

Элина
Наумова

ДАВАЙ ЗНАКОМИТЬСЯ, БЛАГОВЕРНЫЙ...

Мужские истории

Женские истории

Элина Наумова

**Давай знакомиться,
благочестивый...**

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Наумова Э. Р.

Давай знакомиться, благоверный... / Э. Р. Наумова —
«Центрполиграф», 2019 — (Женские истории)

ISBN 978-5-227-08592-4

Что делать, если муж охладел к жене, которая младше его на пятнадцать лет! Если не общается с ее родственниками, не дает денег сыну, почти не бывает дома в коттеджном поселке? Выследить его и узнать, чем он занимается в Москве? Выследила, увидела с другой женщиной. Что дальше? Разобраться с ним? Но Анджела Литиванова решает для начала разобраться в себе. И обнаруживает, что с мужем впору знакомиться заново.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08592-4

© Наумова Э. Р., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Эллина Наумова

Давай знакомиться, благоверный...

© Наумова Э.Р., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

1

У каждой женщины внутри, на уровне сердца и легких, находится грань самообмана. О достижении рубежа сигнализирует такая физическая боль, что становится ясно: дальше будет только и гораздо хуже. Нет, есть на свете «розовые дурочки», которые всю жизнь себе врут. Но на них, в общем-то счастливиц, надеты, если по старинке, розовые очки, а по-нынешнему – вставлены розовые линзы, о чем они не догадываются. Жизнь ведь ничего не выдумывает, лишь уточняет. Ясно, что-то преобразующее действительность есть. Но как очки не заметишь? Их можно только упрямо не желать снимать, что наводит на мысли о злокозненности или глупости. То ли дело мягкие нежные диски, с которыми вдруг да рождаются. Умнее от этого женщина не становится, но и винить ее как-то неловко: не подозревает же, бедная, что видит мир искаженно. В любом случае и та и другая оптика крепится за ушами или на глазах, а вовсе не в тех местах, какие возникают перед мысленными взорами сексуально озабоченных типов при упоминании розового и голубого цветов. Испохабили палитру стыдливые предки, которым было необходимо пристойно обозначить непристойность. Их же люто тянуло о ней прилично сплетничать, то есть осуждать, конечно... Это к тому, что на вышеупомянутых дурочек Анджела Литиванова не походила. И ориентация у нее была стандартной: не заладилось с мужчиной, нечего кидаться в женские объятия, ищи следующего. Поэтому, когда закололо слева под грудью, дыхание перехватило и страх немедленной смерти мерзко оскалился в закаменевшее вдруг лицо, она только простонала:

– Доконал, мерзавец!

И наконец решила изменить и собственную, и его жизнь.

В действительности больное сердце кричит о том, что ему плохо, из-под лопатки или из-за грудины. А там, где, охнув, схватилась Анджела, ворчат раздерганные нервы. Но какая ей была разница при уверенности в том, что муж доведет ее до инфаркта. Специально доводил с год, только этим и занимался. И, кажется, почти преуспел.

Кроме того, с детства до юности человек невероятно страдает из-за любого ущемления его желаний. Игрушку не купили – трагедия, Из-за компьютера выгнали в постель – драма. Что уж говорить о первых влюбленностях. Нет жанра для описания, просто нет. А повзрослев, он однажды соображает, что вокруг маются люди, которым хуже. Молодость упряма – поначалу ей кажется, что они сами в своих бедах виноваты. Но потом, когда становится паршиво, например от безденежья, сама собой вдруг вспоминается худющая одинокая бабка-соседка, у которой необходимая тебе сию минуту сумма – годовая пенсия. И человек неожиданно испытывает облегчение. Бывает, сильно пугается. Не за старуху, за себя. Страшный вопрос гвоздит: «А, если не только лучший друг или подруга, которые потому и являются таковыми, что мыслят со мной одинаково, но и другие то же и так же чувствуют?» Потеря уникальности может свести с ума. Защищает только недавно включенный механизм – облегчение, которое приносит чужая боль. Стыд же за это облегчение со временем заставляет помогать другим. Через это прошло большинство.

Но Анджела Литиванова относилась к редкой породе: ей от чьего-то горя становилось еще гаже. Мир был жесток и несправедлив абсолютно – в нем корчилась от боли и она, и еще толпа народа. Даже кучку процветающих беспринципных подонков было жалко – ужас расстаться с деньгами пусть и на смертном одре непередаваемо. Но у них все равно иначе болело – тупее, мягче, короче. Тот ребенка потерял, этот любимых взрослых, кто-то разорился, забо-

лел, дом у него сгорел... И они сами еще живы и не в психушке? Анджела не вынесла бы, настолько была чувствительна, против воли применяя на себя все и сразу. Считала, что, наверное, поэтому не теряла, не разорялась, не болела, не бомжевала. Зачем Небу ее мучить, если она по интенсивности страданий и без того всех переплюнула? Сразу выдавала такое качество мук, что количеством их ничего нельзя было бы изменить.

Жизнь и у этого типа людей продолжает отбирать или не давать то, о чем мечтают. Они либо спиваются, либо умирают от передозировки, особенно женщины, что в розовых очках, что без них: у одних нет сил бороться, другие не видят смысла. У Литивановой же все складывалось так, как хотелось. Надо отметить, странноватая женщина много усилий прилагала для этого, выбрав девизом: «Смотри на идеал поверх всего». И твердо контролировала себя, чтобы не обнаглеть и не начать ждать от судьбы лишнего. Но именно доброе отношение к ней мужа с восемнадцати ее лет и до нынешних тридцати пяти было необходимостью. А он... Нет, ну, добро бы ровесник почувал, что женщина без грамма лишнего веса просто из-за возраста по анекдоту становится ближе к тощей корове, чем к стройной газели! Так ведь старше на пятнадцать лет! Лысеет быстро. Здоровье не очень, кажется, чем больше за ним следит, тем оно капризнее и норовит удрать. И так обращается с женой, настолько выхоленной, что ей больше двадцати пяти незнакомые не дают. Которая настолько образованна и умна, что с ней беседуют, а не треплются. Которая ему сына вырастила: мальчишке шестнадцать, учится в Швейцарии так успешно, что родителям не совестно. Да, именно это слово, хоть, когда она его употребляла, многие хмыкали – анахронизм.

Анджела давно поняла разницу между стыдом и совестью. Первый – отпрыск уязвленного самолюбия. Когда человек не сумел быть таким, каким воображал себя и желал казаться окружающим, тогда ему стыдно. А вот если не смог выполнить свои обязанности, тогда – совестно. Она свой долг жены и матери исполняла рьяно. И вот пожалуйста, с сердцем плохо от долгой нервозности, ото всех унижений, от равнодушия и откровенного хамства любимого мужчины. Надо было что-то решать и делать незамедлительно. «Для начала добраться бы домой», – подумала близкая к идеалу красавица и умница, ощущая всю ту же боль под левой грудью. Литиванова завела машину, сосредоточилась на подмосковном шоссе с мерзким асфальтом и упустила миг, в который по ее артериям и даже венам потекла чистейшая ярость, расширяя их до нормальных объемов. Иногда такой компонент крови является лучшей профилактикой сердечно-сосудистых заболеваний. Это был тот случай.

2

Еще утром она склонна была лгать себе, что ее замечательный Мишенька, ее классный Михаил Александрович Литиванов банально переутомился. Как обычно, проснулась на час раньше, чем он, включила ночник и смотрела на родные изгибы тела под вторым одеялом – жадно, не боясь смутить мужа, если тот неожиданно откроет глаза. Он немного поправился и поэтому совершенно не изменился лицом. Наоборот, стал трогательнее. Но его вид навевал не оптимизм, как еще месяц назад, а не слишком приятные воспоминания. Когда-то мама, рыдая, отговаривала свою первокурсницу Анджелочку от свадьбы:

– Ладно, гроб молодость. Обслуживай скучного благоверного, пока нормальные девочки будут развлекаться. Выбирать будут из сонма поклонников! Но пойми... Нет, еще не поймешь. Поверь мне на слово, умоляю. Сейчас тебе восемнадцать, ему тридцать три, ты юна, он молод, и вам хорошо. Тебе будет тридцать, ему сорок пять – терпимо. Но потом он начнет стареть. Тебе еще нужны будут развлечения, комплименты, много секса. А ему только работа... И юная любовница раз в две недели...

– Какой сонм поклонников, романтическая моя мамочка? – смеялась дочь. – Не о нем девчонки мечтают. поголовно думают только о богатом муже. И готовы на шестидесятилетнего, лишь бы достойно содержал. У меня же сказочный вариант!

– Да шестидесятилетний в сто шестьдесят раз лучше! Все, что с ним произошло, случилось не на твоих глазах, не в твоей постели. Он – результат, бери и не жалуйся, а знай себе приспособляйся. Ты же, храбрая моя, увидишь и шкурой почувствуешь процесс.

Разумеется, тогда она не послушалась. И до сих пор думала, что не прогадала, как минимум. Но вынуждена была допускать: мама в чем-то была права. Для Мишеньки настало время изменений. Да, это был ужасный год в милой семейной жизни, да, их пристукнуло кризисом. Может, творилось нечто возрастное, физиологическое, чего мужу самому никак не удавалось себе объяснить. Может, сын уехал, и в Литиванове происходили тектонические сдвиги. Вот-вот образуется новый материк отношений, и все будет хорошо. Кризис потому и мощный настолько, потому и переживается обоими так остро, что случился впервые за семнадцать лет. Их знакомые нераспавшиеся пары уже раза по три были на грани разводов, суицидов, отпущения друг друга налево и прочей гадости. А они с Михаилом благоденствовали. Выходит, человеческую природу не обманешь. Три раза пронесло, зато в четвертый наверстаешь все упущенное.

Но на душе было препаршиво. Заниматься аутотренингом, когда муж на работе, – это одно, а держать себя в руках при его холодном, едва ли не брезгливом возвращении – совсем другое. Анджела никогда не бегала к маме с победами и проблемами, касающимися мужа. Первое время хотелось сообщить, как ей хорошо. Но не могла простить сопротивления их с Мишенькой любви. Возмущалась – мамочка едва не лишила дочку радости радостей. Потом, родив сына и начав многое ему запрещать, поняла это маниакальное желание не дать свершиться дурному. Но поводов жаловаться все еще не было, просто хвастаться расхотелось. А тут, изведшись вконец, отправилась с единственным вопросом:

– Мам, чем так хорош ровесник, на котором ты упорно настаивала?

– Началось? – зорко взглянулась и бодро включилась мама, словно годы не прошли. Анджеле померещилось, что она все еще в невестах сидит, и ее на все лады запугивают будущим «со стариком Литивановым». – Придирается по мелочам, да? Как ни стараешься, не доволен? Все чаще не у тебя, а у него голова болит, когда надо исполнять супружеский долг?

Если бы тон был злорадным, а не обеспокоенным и горьким, Анджела сразу хлопнула бы дверью. А тут подавленно кивнула:

– Что-то в этом роде.

– Не грусти, справимся. Ровесник, дочка, тоже переходит из возраста в возраст. Но он, бедный, думает, что с женой творится то же, что и с ним.

– Да что творится-то?

– Ничего особенного. Не всех подряд хочет, не через одну, а некоторых. И то больше делает вид перед друзьями. Начинает блудить, как бы точнее выразиться, одноразово. Никаких постоянных любовниц, сплошные интрижки. Рядом задержится только дура, которая врет, что готова до смерти делить его с кем угодно. Или замужняя искательница новизны, которая и не собирается разводиться. И то до первого скандала с претензиями. Сам мужчина думает, будто просто охладел к жене, но не может ее бросить – дети, имущество... А на самом деле ему страшно.

– Опять с ровесниками не догоняю, мам.

– Разумеется. Потому что до сих пор внутренне со мной споришь, вместо того чтобы проникаться. Там ему сорок пять и ей сорок пять. Держится за него, чтобы в старости не остаться одной, терпит. А он полагает, будто ее все устраивает.

– Ясно, – откровенно поморщилась Анджела.

Вот уж не подозревала в матери столько цинизма. Будто она всю жизнь проституткой работала, а не... Господи, она же психологию брака преподавала и успешно продолжает! Да еще и частный прием ведет. Дочь расхохоталась. Мать молча ждала тишины, затем ехидно сказала:

– Можешь не объясняться и не извиняться.

– Я на миг приняла твои слова не за профессиональные выкладки, а, как бы это выразить...

– За навязчивую бытовую пошлятину. Нет, я в состоянии и не в житейских, а в научных терминах растолковать. Но, знаешь, смысл не изменится от того, как именно выразить факты.

– Прости, мам. Чем же опасна именно наша с Мишей разница?

– Тем, что твой Миша уверен: ты – то же, что он сам пятнадцать лет назад. Сексуальная террористка. А он может не потянуть, не соответствовать.

– Я ему поводов не даю! – вскинулась Андже́ла.

– А они не нужны. Повод – он сам, страхи, воспоминания, мысли. Ты притворяешься верной. Компенсируешь нехватку его близости на стороне.

– Идиотизм, мам!

– Психический сдвиг, доченька. Так зреют мужчины.

У Анджели голова закружилась – тревожно, мутно, будто от голода. Она долго мялась, но рискнула:

– Слушай, это теория, исповеди твоих неуравновешенных пациенток, или ты все усвоила на опыте с папой?

– Твой отец – исключение из правил! – убежденно, искренне и горячо воскликнула мать. – Мы живем в гармонии! Да, секс стал гораздо реже, но качество не пострадало. Не предполагала такого поворота в нашем разговоре, но изволь... Мне повезло. Мы одноклассники, и я честно терплю его... Не охлаждение, нет, но изменение приоритетов...

Дочь снова хотела расхохотаться и над правилами, и над исключениями. Готова была к этому по всем признакам. И вдруг зарыдала.

– Плохо дело, – вздохнула мать и бросилась в кухню за водой.

3

У Анджели затек локоть, подставленный под голову, чтобы удобнее было смотреть на мужа. Тот диалог с мамой заставил признаться, конечно, только самой себе, что три четверти раздражения и злости на Михаила гейзером бьют из ее неудовлетворенности, сколько бы она ни внушала себе, что это грусть и обида медленно проистекают из его пренебрежения. Разум готов был смириться на время, пока муж переберется: черт с ней, с убегающей в дурацком венке из одуванчиков, в мини-юбке, способной по любви отдаться где угодно юностью. А тело протестовало. Оно откуда-то знало, что если не догонять, то превратишься в старуху через несколько месяцев. В ту воспетую матерью пятидесятилетнюю ровесницу Михаила, которой остается лишь терпеть и подлаживаться. Теперь Андже́ла осознавала, как часто видела таких, едва разменявших четвертый десяток. Почти обнаженные – лифчик, трусы, джинсы, футболка, босоножки на танкетке, неопределенного цвета волосы в плену дешевой заколки, ни маникюра, ни косметики, ни украшений. Или, напротив, закованные в броню нелепо сложной прически, вычурной одежды, уродливых каблучков, золотых колец, теней, туши, пудры, помады, лака. И у всех неуловимый взгляд кого угодно, только не женщины. Бессмысленный в общем-то.

Андже́ла поежилась и спустила ноги с кровати. Ступни точно попали в элегантные зеленые тапочки с опушкой. Когда-то Мишенька заводился от одного вида тонкого пластикового каблучка средней высоты и разноцветных перышек такой домашней обуви. Вяло подумала: «Какая там юность в венке. В ту пору я каждое утро стучалась пятками об пол, хоть, казалось бы, разувалась перед сном так же. Не-ет, этакая выверенность приходит с годами». Накинув

пеньюар на длинную атласную ночную рубашку, она вышла из спальни и привычно двинулась со второго этажа на первый, в холл, на веранду, в очень холодный еще на рассвете апрель, быстрее, только быстрее. Если и есть что-то хорошее в загородной коттеджной жизни, так это бросок из постели в естественный воздух и запах – в любое время года, в любую погоду, хоть на несколько минут. Такое начало резко выдирало ее из неприятных, заснувших и пробудившихся вместе с ней мыслей. И пересаживало в ощущения кожей. Те вызывали какие-то другие мысли, и она укоренялась в измененной почве, что сулило хороший день.

Окружающая природная среда встретила Анджелу безветрием и ливнем. То ли в полусвете, то ли в полутьме не было видно ни деревьев на участке, ни трехэтажного массива соседнего дома. Все, кроме редких заплат неопрятного снега в паре метров от дорожки, занавешивали частые отвесные шнуры воды. Но с освещенной веранды можно было разглядеть, как в этих шнурах торопливо переливаются мелкие капли. Безумица шагнула к краю, и сотни колких, словно электричеством заряженных брызг впились в лицо и шею. Она вдохнула полной грудью. Весной не пахло, только сыростью. Обойденная ласками солнца земля не испаряла ароматов, а покорно впитывала хладную жидкость. Анджела поежилась от явной аналогии с собственным состоянием. И тут ее сосуды разом откликнулись на дождь. Они сузились, будто боялись, что в них попадет влага. Заболела голова. Ноги сделались ватными. На них, неверных, женщина доковыляла до кушетки в холле и плюхнулась на нее. По мере того как она согревалась, недомогание улетучивалось. Все длилось не больше пары минут, и закаленной Литивановой на ум не пришло как-то менять распорядок дня. В одиннадцать утра ей предстояло тренироваться в фитнес-центре. Она прилегла. Состоялось целое приключение, чуть ли не опасное для жизни, и сразу подниматься в спальню не хотелось. Надо было отвлечься.

Анджела хорошо запомнила тот момент, когда муж впервые ее не понял. Они поехали на вечеринку в соседний коттеджный оазис, в семейный дом. У двадцатилетней, год назад родившей студентки Литивановой не было никаких ожиданий – голое любопытство ко всем, кто уже носил на пальцах обручальные кольца. Хозяин был старше Михаила лет на двадцать, хозяйка – почти ее ровесница. Большую часть года пара проводила в Америке, а тут нагрелась и решила увидеть людей, с которыми стоило поддерживать знакомство. Кажется, молодой да ранний бизнесмен Литиванов был слегка польщен. Добрались. Вписались в круговорот приглашенных, топтавшихся на сотнях квадратных метров под ненавязчивую живую музыку. Переместились в столовую. Употребили много чего со сложными названиями и в общем-то привычным вкусом. Перешли в зал с маленькими круглыми столиками – десерт, шампанское, коньяк. Выслушали развязно-натужный конференс знаменитости, разбавленный пением других знаменитостей. Разъехались.

Дома юная жена и мать неожиданно получила выволочку. Едва они отпустили няню, полюбовались спящим отпрыском и устроились на диване в гостиной, как Михаил возбужденно заговорил:

– Нет, прогибаться ни перед кем не стоит, что называется, лебезить – ни в коем случае, это исключено. Но ты демонстрировала открытое пренебрежение. Ты откровенно презирала элиту. Тени заинтересованности в сливках общества не изобразила. Хоть отдаешь себе отчет, на кого свысока смотрела? Кому сквозь зубы неохотно отвечала? Хорошая моя, так нельзя. Может создаться впечатление, будто я тебе один на один говорю про этих людей черт знает что, а ты по неопытности забываешь даже притвориться любезной.

– У элиты паранойя? – искренне удивилась Анджела, которая вела себя самым естественным образом, никого не обижала и, как ей казалось, была максимально со всеми приветлива. – Ты настолько глуп, что посвящаешь меня в заговоры? А я совсем безмозглая и даю им понять, что осведомлена? Ничего себе! Я думала, серьезные люди... Нормальные... Взрослые хотя бы...

– Ты – мое лицо на приемах, – вразумлял муж.

– Банковский счет твоё лицо, – возражала жена. – А эти приемы – выгул ошалевших от скуки баб. Я ещё не такая пресыщенная, беспокоюсь, как там малыш с няней, вот и кажусь хмуро-озабоченной. И ещё... Тут такое дело...

И она попыталась любимому объяснить.

4

Лет в семь Анджелу оставили на месяц у папиной бабушки в рязанском селе. Она преподавала в тамошней школе и очень заботилась о сохранности честно заработанного авторитета, «который за день из-за лености потеряешь, и все, больше никакого уважения». «Я – учитель, мне нельзя», – было самой частой её фразой. Запрещала она себе на сутки позже, чем положено, начинать окучивать картошку. Выходить за ворота, не облачившись в туфли и отутюженное, подогнанное по фигуре платье. Разводить в доме и во дворе беспорядок. Даже набирать меньше ведра грибов, меньше бидончика земляники ей было не положено. Когда лес не желал расщедриваться на своё добро, хоть вдоль и поперек его обойди, она быстро снимала с себя и укладывала на дно соответствующей емкости куртку и платок. Сверху насыпала грибы или ягоды доверху и, тонко улыбаясь, шествовала от опушки в сопровождении внучки. Надо было видеть физиономии сельчан, которые тоже часами рыскали по окрестностям в поисках подножного корма. На них было тем самым красивым почерком, которого она от них добивалась, написано смирение: учительница и в лесу учительница, знает места, другим неведомые. Люди старались не демонстрировать позорных лукошек, отводя их за спины или поворачиваясь боком. Казалось, не исключали, что она отругает каждого за нерадивость, а то и двойку влепит.

Раз в сезон бабушка приглашала в дом гостей. Анджеле довелось присутствовать на летнем сборе. Деду заранее было позволено ставить бражку – водки в магазине не случалось. Немыслимо было гнать самогон, потому что бабушка членствовала во всех комиссиях по борьбе, участвовала во всех ревизиях и председательствовала в общественных советах. А этот напиток из огромной металлической фляги, зревший на печи, не разберешь квас или пиво, считался достойным угощением интеллигентных людей – фельдшера, врача, медсестры и библиотекаря с мужьями и женами. Пока нечто превращалось в слабый алкоголь, хозяева почти не ели и не спали. То есть дедушка был бы не прочь, и мог бы, если бы не женился на бабушке. Решившись же, приговорил себя работать по хозяйству на износ, хоть и заведовал клубом. А в преддверии вечеринки в его обязанности не входило разве что начищать шляпки всех гвоздей, вбитых в доски, которые на виду. Тем временем бабушка выпалывала огород, ликвидировала в доме последние пылинки и, как мантру, твердила:

– Везде носы сунут, все проверят. Бывает, втихаря, а бывает, и нахально. Ой, внученька, однажды другая учительница проверяющего из района на ночлег взяла. Выслужиться хотела. Внешне порядок навела. Только в шкаф побросала тряпки кое-как. Поели, попили всем коллективом, начальник доволен, пора укладывать его. Тут завуч и подсуежилась, руку к обустройству гостя перед уходом домой решила приложить. «Ну, – говорит, – хозяйка, где у тебя полотенца чистые? Наутро сразу приготовим». И рывком шкаф распахнула. А оттуда такое повалилось! Вот стыд-то был. Не-ет, мне сплетни не нужны, мол, по углам у учительницы распахан хлам, как у самой неопрятной в селе доярки. Ты не ерзай, ребенок, ты запоминай, как жить правильно, чтобы люди не судили.

Анджела ничего не понимала, только напивалась ужасом преподавательской судьбы, осознанием мученичества человека, который обязан во всем быть примером. И вот наступил день приема. Явились почти по-городскому одетые гости. Девочка сто раз слышала, как они разговаривали на улице с деревенскими – нормально. Видела, как смотрелись рядом с ними – обычно. Но тут почему-то витал дух элитарности – сельская интеллигенция без чужих. Хотя

и чувствовалось, что женщинам действительно было любопытно порыться в шкафу и ящиках комода. А мужчин тянуло набрать в курятнике миску свежих яиц, надергать зеленого лука на привычную закуску, снять с печки тяжеленную флягу с брагой и усесться вокруг нее на травке с полулитровыми эмалированными кружками. Потому что на рюмки, из которых приходилось культурно употреблять после тычка жены, означавшего требование тоста или анекдота, на вилки и на салат они глядели с диковатой печалью...

5

По-взрослому постаравшись описать мужу свои детские впечатления, Анджела и принялась растолковывать:

– Мишенька, родной мой, этот светский раут мало чем отличался от того деревенского приема. Разве что подавали дорогое вино и наводили чистоту руками прислуги, а не собственными. Но так же хозяева лезли вон из кожи, чтобы притушить сияние гордости. Так же придирчиво шныряли глазами визитеры – оценивали, сравнивали со своим. Взгляды, жесты, даже слова... Атмосфера была настолько узнаваема, будто я очутилась в собственном дошкольном возрасте и опять вижу, как бабушка не ударяет лицом в деревенскую грязь. Как гости сделали все, чтобы не нанести этой же грязи в дом на ботинках и туфлях. Только я уже не маленькая, соображаю, что происходит, и выдать живой интерес к этой тягомотине не могу. Короче, я точно знаю, где прячут флягу с бражкой. Знаю, что под видом проверки готовности напитка хозяин чуть ли не половину уже выхлебал. А хозяйка ругала его за это и бдительно следила, чтобы не покусился на остатки.

Муж тогда побледнел и, заикаясь, почему-то шепотом спросил:

– От-т-куда с-с-ведения? Ч-ч-что, прямо г-г-гонят? С-с-самогон? Они?!

– Я образно выражаюсь, – быстро сказала Анджела, не потрудившись вообразить лощеную парочку, колдующую ночами над змеевиком.

– Господи, – простонал Литиванов с таким облегчением, будто летевший в голову камень вдруг сам собой развернулся и шваркнул по лбу бросившего его врага. – А мне почудилось... Ты так серьезно говорила... Так это твой дедушка – мастер дегустаций... А бабушка его до сих пор контролирует под Рязанью...

– Два года назад папа перестроил нашу, не маминых предков, а свою первую дачу, ту, которая по Ленинградке. Там теперь вода, газ, канализация. И перевез родителей. У бабушки, нетрудно догадаться, лучший сад в товариществе. А дедушка, отбыв повинность по хозяйству, запоем читает книжки. Ставить бражку давно незачем. Кстати, на свадьбе они были, а вот после мы не удосужились их навестить.

Чутье юной жены, истово практикующейся в укрощении недовольного ею мужа, не подвело Анджелу. Михаил торопливо пробормотал: «Да-да, помню, обещал, скоро выкрою время, ты меня ими заинтересовала». И сразу приступил к тому, чем и надо заниматься молодым любящим супругам, которые себя показали, других посмотрели и нехудо выпили. Впрочем, при данных условиях не обязательно быть молодыми и любящими. Ребятам просто вдвойне повезло.

Заводная Анджела немедленно позабыла о размолвке. А утром под душем вдруг испытала такой страх, что оказалась на корточках с закрытыми руками теменем, будто начал обваливаться потолок. Только воспоминание о привычке Михаила являться в ванную без стука и лезть к ней под струю заставило Литиванову подняться на дрожащих ногах, да и то не быстро. Она поняла, почему ни в нынешнем девяносто седьмом, ни в две тысячи седьмом, который через десять лет наступит, никогда, до самой своей кончины, не станет такой, как вчерашние дамы. У нее по материнской линии прадедушка был профессором права, и дедушка, и, жутко вымолвить, бабушка тоже. Они не жили бесприютно, они не нуждались в деньгах. Мало того

что зарплаты позволяли чувствовать себя цивилизованными людьми, так еще и за консультации в особо сложных делах платили. Деревенский папа, изучавший финансы, – только девочки на курсе плюс отсутствие военной кафедры, то есть армия после института, – комплексовал в этой семье недолго. Сменился строй, и он в одночасье превратился из канцелярской крысы с сатирическими перспективами в начальника отделения частного банка. В доме непреложной истиной считалось, что так и должны складываться жизни одаренных, много и трудно работающих профессионалов. А поскольку это существование было нормой, честными дензнаками никто не кичился. Их тратили, чтобы не отставать от времени. Отдыхали в соцстранах. Хорошо одевались. Меняли квартиры на большие с доплатой, ремонтировали, обставляли. Покупали картины. Перестраивали дачи, облагораживали участки. Разумеется, по советским законам. Но и по ним двум докторам наук полагались лишние квадратные метры. Ну а при законах капиталистических люди уже наносили последние штрихи.

Собственно, давеча, выслушав претензии мужа, Анджела и должна была ляпнуть что-то вроде: «А какого выражения моего лица ты ожидал? Этим нуворишам нечем меня удивить. Разве что зашкаливающими невоспитанностью и бескультурьем». И обидела бы Литиванова по-настоящему. Он-то начинал с двухкомнатной хрущевки, в которой ютились пять человек. Со щитосборного домика на трех сотках, до которого надо было два часа переминаться с ноги на ногу и нечасто дышать в раздираемой телами электричке. Михаил никогда не просил у родителей тещи, у тестя не только денег, но и советов. Хотел преуспеть сам. И, кажется, получалось.

Анджела же наложила табу на разговоры о своей жизни до встречи с Литивановым. Ведь сама она палец о палец не ударила ради благополучия. Только пользовалась результатами трудов близких. А тогда – революция, как-то принято было: если не замужем, то или становишься очень дорогой путаной, или открывай любую фирму и докажи, что способна жить при капитализме. И вот едва не сорвалось с языка: «Лично мне ничего нового и интересного на этой вечеринке не показали и показать не могли». «Дура спесивая», – ругала она себя и благодарила Небо за то, что забавное ощущение, будто вернулась в деревню, затмило все, и оправдывалась она именно этим. Анджела слишком боялась унижить мужа. Поэтому даже фантазия, что она случайно допустила бестактность, усадила начинающую жену и мать на корточки, заставив закрыть голову тонкими мокрыми руками, и ввергла в отчаяние. Ей казалось, что, отзовись она хоть раз дурно о людях, которые храбро и азартно взялись реализовывать себя в бизнесе, не имея ни специальных знаний, ни капитала, об их избранниках, домах, автомобилях, манерах, Литиванов немедленно ее презирает, разлюбит и бросит.

6

Анджеле надоело полулежать на кушетке. Шесть утра, и она валяется – идиотка идиоткой – в, называя вещи своими именами, передней или прихожей, думая о том, как корчилась из-за любви годы назад. Атлас на теле, перья на тапочках, закинута за голову рука, бледные щеки и опущенные веки наверняка делают ее вульгарно томной. Внутри все клокочет, болит, стенает, а по виду – истероидная буржуазка выползла из кровати, чтобы муж, проснувшись, не обнаружил ее под боком и не запаниковал. Этюд в стиле маминых пациенток. Она решительно поднялась и, изо всех сил имитируя бодрость, направилась назад в спальню. Ей хватило количества ступеней, чтобы все-таки немного отвлечься. Опять же прошлым, как это ни безрадостно! Перебираешь эпизоды, будто ношенные тряпки, ища какую-нибудь яркую, разворачиваешь, сворачиваешь... А новые планы строить уже и в голову не приходит. Ну да хоть так.

Еще в день знакомства с ее родителями Литиванов прочувствованно сказал маме:

– Спасибо вам за имя дочери. Как точно вы назвали ангела Ангелом. Решились на истину в те времена...

Та немного смутилась, но загадочно улыбнулась и промолчала. Вообще-то, изучая английский по-советски и атеистически, мама не задумывалась о том, как переводится Анджела. Ей невдомек было, что у отсталых религиозных капиталистов есть привычка называть дочек Ангелами. Тем более нелепо было наречь так мужественную чернокожую американскую коммунистку, свободу которой их заставляли требовать в юности на комсомольских собраниях, Анджелу Ивонну Дэвис. Наверное, думала, что приверженность коммунистическим идеалам проявляется, как пол ребенка, сразу после рождения. В Советском Союзе проявлялась у всех. А в Америке, наверное, у самых прогрессивных. Вообще-то интеллект у девушки был выше среднего, но как-то крылатые господни посланцы с борьбой за права человека в ее мозге не сочетались. Даже попытки анализа странного имени она не предпринимала. Просто назвала им, модным и незатасканным, родившуюся девочку.

Тем бы и кончилось, но у Михаила была забавная привычка раз за разом повторять удачные комплименты. Он превращал это в ритуал, и вместо того, чтобы злиться на него за отсутствие изобретательности, женщины не без удовольствия этой игре следовали. Оскорблялись, если он не весь стандартный набор выдавал. И, став зятем, Литиванов произносил свою благодарность при каждой встрече. Вода камень точит, и раз на десятый маму осенило: в удушающей душегубке совка она была продвинутой гражданкой мира, бросавшей вызовы «красному безвременью». И эксперименты ее были тем более ценны, что принадлежала эта демократка к весьма благополучной московской семье. Михаил в ответ на свою привычную фразу получал безмолвный сдержанный кивок тещи. Но Анджела холодела, когда та, превратившись в бабушку, уверенно сообщала внуку:

– Мы, обычные интеллигенты, не сдавались пропаганде. И не ограничивались юмором по ее жалкому поводу. Это было непросто – утверждать свою приверженность свободе и вере в Бога, нарекая дитя с чудесной внешностью и характером Ангелом, даже по-английски. Тем более по-английски.

Мама была честна и вписывать себя задним числом в диссиденты не стала бы. Но кто знает, в каких личных, а то и интимных протестных акциях она, экстравагантная по природе, уверила бы себя и мальчика. К счастью, того новейшая история не занимала.

«Так рождаются семейные мифы», – думала Анджела, ни внешность, ни характер которой в младенчестве имени не соответствовали вовсе. Она долго и серьезно размышляла, должна ли открыть ребенку правду. В итоге не стала. Мама, убедившая себя совершенно, обиделась бы на дочернюю «клевету». Оставалось сказать без нее. Но Литиванова сама установила в доме принцип не сплетничать о родных за их спинами.

На пороге спальни Анджела вдруг отметила, что уже с год Михаил не льстил маме. Но даже удивиться не успела. Почувствовав себя гибкой, здоровой, всесильной, она скинула одежду. Потом глубоко вдохнула и забралась под его одеяло. У женщины горели ладони и губы, лоб холодила испарина, в глазницах кипели слезы. Сначала она ласкала его неторопливо и трепетно, будто с удовольствием повторяла отлично выученный урок. Муж не просыпался. Хуже того, физически не отзывался на изысканные – уж она-то старалась – нежности умелой любящей женщины. Жена стала напористее в прикосновениях. Безрезультатно. Казалось, он пьян до беспамятства, до полусмерти. Анджела занялась реанимацией – грубо, не слишком эстетично, будто действительно возвращала к жизни бездыханное тело. На секунду ей показалось, что эрекция есть, хотя обладатель соответствующего органа даже глаз не раскрыл. Бедняжка совершенно озверела – сдернула с мужчины пижамные штаны и уселась на него, то целуя, то лупя по щекам. Тут он издал страдальческий вопль, резко повернулся на бок, чуть не переломав насильнице конечности. И все так же, со смеженными припухшими веками, беспорядочно замахал кулаками. Он не пытался ударить ее, нет. Просто молотил воздух, как первоклассник, думающий, будто дает отпор старшим.

Жена потихоньку отползла на свой край постели, свернулась клубочком и замерла. Такого унижения, стыда и злости одновременно она еще не испытывала. Ненависть и к нему, и к себе зашкаливала. Если бы Анджела, что называется, не лишилась чувств, умерла бы в течение нескольких минут. Последней связной мыслью было: «Господи, ради всего святого, пусть он не узнает! Пусть думает, что ему приснился кошмар! Умоляю, не выдавай меня в моем позоре, это невыносимо!»

Когда незадачливая любовная активистка проснулась, Михаила в спальне не было. Часы подсказывали, что он должен завтракать в кухне этажом ниже. Анджела трусливо решила не ходить туда. Но представила, как изведет ее за день неизвестность. Бормоча «Чему быть, того не миновать», женщина взглянула на атласный комплект, как на улику преступления, достала из шкафа платье, не соображая, что делает, напялила его на голое тело, причем задом наперед. Провела по волосам щеткой, но настолько торопливо, что зализала участок надо лбом, оставив кудель над висками в беспорядке. А потом босиком побежала на запах кофе.

7

Уже готовый к выходу в люди муж пожелал ей доброго утра, крепко обнял и чмокнул в щеку – еще соблюдаемый ритуал, хоть и напоминал он остывшую еду, которую хотелось засыпать перцем и долго греть. Когда-то Анджела была способна выдать более изысканную метафору, однако депрессия заметно упростила свою жертву. Она даже у мамы спрашивала по телефону, чтобы та не видела заплаканного лица, почему человеческие контакты все чаще отзываются в ней темами готовки, стирки, уборки.

– О, это наше извечное бабье проснулось. – Ответ не требовал и секундного размышления. – Ищешь выход. Воображаешь, что, если начнешь печь своему Литиванову кексы и гладить рубашки, он станет прежним. Опаснейшее заблуждение. Во-первых, ты ничего этого не умеешь. И неизбежные неудачи только снизят твою самооценку. А она и так меня беспокоит. Ты в курсе, что есть точка невозврата, после которой – только под гору, к распаду личности? Во-вторых, рывком в образцовые домохозяйки ты лишишь его последнего стимула молодиться и хорохориться именно перед тобой. Хватит уже изводить себя его кризисом, у тебя собственные будут.

Анджела хитрила, говоря не о Михаиле, а о человеческих контактах вообще. Думала, намыть из мутной жижи, к которой психологи гонят стадо научно-популярными книжками и устными рассуждениями, золотишко для личного использования в отношениях с мужем. А мама окунула дочь в холодную прозрачную воду. Может, ее толща и искажала лежавшее на дне, но уж никак не выдавала его за что-то другое.

– Скоренькая психологическая помощь, да? – проворчал легко раскушенный орех.

– И действенная, заметь. Ты продемонстрировала чувство юмора с горчинкой, не упомянув про кастрюли и швабру. Очухивайся давай. Собой займись – в ванну ляг, книгу почитай, в гости к кому-нибудь напросись. А лучше – нагрять. Уныние, как все на свете, первый раз прощается, второй раз запрещается, а третий – исключается, – надоумила роднющая профессионалка в чрезвычайных семейных ситуациях и положила трубку.

Анджела тогда не нашла в себе сил ни на ванну, ни на книгу, ни на приятельниц. Но нынешние мысли о горячей пище со специями уже не испугали. Да и муж впервые за год, а то и больше, посмотрел на нее с интересом и, кажется, невольно улыбнулся. Жена мгновенно расслабилась и подумала: «Что, собственно, произошло на рассвете? Я пыталась его возбудить, принудить к исполнению супружеского долга. И обнаружила, что мой герой, мой Мишенька, импотент. Хорошо, что набросилась, умница девочка, иначе не догадалась бы. Мучила бы себя подозрениями, будто он в кого-то влюбился, поэтому меня не хочет. А он не может. Наверное, идиотизм этому радоваться. Но моя несчастная самооценка, которая так волнует маму,

заслужила отдых. Он переутомился, ему нужна виагра. Тоже мне, трагедия в двадцать первом веке». Но стыд упорно не отцеплялся от души. «Я молилась, чтобы он на самом деле спал и не узнал о моем позоре. Боялась, скажет что-нибудь грубое, насмешливое, дескать, потеряла форму, любимая. А он... он будет клясться, что ничего не случилось, даже под пытками».

– Кофе? – спросил Михаил.

– Кофе! Выпьем кофе, – отозвалась Анджела.

Голос прозвучал весело, с ласковым и чуть насмешливым сочувствием. Давно она его не слышала таким. Из гортани протискивались то жалкие ноющие, то еще более жалкие раздраженные звуки. Получается, мама не ошиблась. Кризис, банальный кризис среднего возраста у мужчины...

– Хорошо спалось? – поинтересовался он едва ли не завистливо.

– Хорошо. Чуть не проспала твой уход. Еле глаза продрала.

– Да меня провожать не обязательно. – Чудо, но улыбка опять, будто сама по себе, искривила его губы.

– С чего это вдруг? – на сей раз тон был просительным, дескать, разоткровенничайся, сделай милость, и забудем обо всем наконец.

– Ну... Я уже большой мальчик.

«Неужели издеваться надо мной день за днем легче, чем обсудить проблему? Или проконсультироваться с врачом? Может, дело в простатите каком-нибудь и надо немедленно лечиться? Или самому начать глотать таблетки, восстанавливающие потенцию?» – едва не завопила она. Но хоть и срывалась уже порой на крик, быть вульгарной еще не привыкла. Стоически подавилась упреком и кофе, закашлялась. Муж дружески шлепнул ее между лопатками. «Не умирай, наша жизнь вот-вот наладится», – перевела она. И, доверившись его взглядам, улыбочкам и свойскому жесту, решила:

– Мишенька, золотой мой, сын теряется в догадках. Говорит, что не получилось связаться с тобой по скайпу, написал по электронке. У него в отправленных письмо значится, а ты не ответил. Посмотри, вдруг твой комп зачудил, и оно оказалось в спаме. У Алика все замечательно, только просит несколько увеличить денежное содержание. Он ведь отлично учится. Почему бы не поощрить? Я недавно виделась со Стеллой. Они с Григорием тоже проповедуют юношескую скромность наследника. Тоже боятся, что их Юрий раньше времени пресытит. Что начнет лениться. Однако переводят ему вдвое больше...

Она не закончила. Михаил как-то пародийно вытаращил глаза, но заговорил со зловещей растяжкой:

– Мне плевать на Стеллу, Григория и их балбеса. Я не понимаю, почему Алик по денежным вопросам обращается к тебе, а не ко мне. Я был категорически против его отъезда в Швейцарию именно сейчас. Ты избаловала его, мальчика надо было еще пару лет готовить к самостоятельной жизни. Но ведь все твои родственники в один голос воскликнули: «Пора! Ему необходимо свободно заговорить на иностранных языках, адаптироваться в чужом государстве еще школьником. Ему, видите ли, нужно смолodu получить гражданство!» И вот результат. Он не в состоянии рассчитывать траты, он легкомысленный испорченный подросток... Вы разорите меня и вгоните в гроб. У меня три тысячи человек работают, я отвечаю за каждого. Я просил два года на реконструкцию производства, заметь, не останавливая его, не увольняя пока никого. Всего семьсот тридцать паршивых дней без лишних трат. Затем и ты, и Алик будете обеспечены навсегда, позвольте себе все, любые капризы. Я лично подал вам пример: отказался от охраны и водителя, сам расчищаю дорожки вокруг дома, таскаюсь за газонокосилкой и убираю в гараже...

– Ну, положим, я-то обхожусь тебе совсем дешево! – вскипела Анджела. – И сын впервые попросил что-то сверх того минимума, который ты ему определил. Мы тебя понимаем, мы терпим. Это ты почему-то назначил нас врагами своего дела. Какая связь между увольнениями

твоих служащих и просьбой ребенка обсудить его кошелек? Ладно, он за границей. Но я сижу здесь как проклятая. Извини уж, если полное отсутствие моих запросов вгоняет тебя в гроб, то я хотя бы выскажусь. Долго молчала, проявляла такт, и все равно сплошные упреки. Ты проводишь в офисе по пятнадцать часов без выходных, три часа в дороге, шесть – в кровати во сне. Мы никуда не ездим и отказываемся от любых приглашений, то есть вообще не тратимся ни на что и ни на кого. И твои титанические усилия и жесткая экономия до сих пор не дали результатов? Да что ты там создаешь, черт возьми? Империю? Скупаешь по частям Европу и Америку? Сам же говоришь всего лишь о модернизации нескольких средних предприятий!

– Ты ничего не смыслишь в бизнесе. Иногда необходимо ужаться в элементарную частицу, чтобы состояться и утвердиться в новом качестве. Твои комментарии неуместны.

– Да мы с тобой вообще не разговариваем, Мишенька. «Доброе утро», «пока», «привет» и «спокойной ночи».

– Не смей мотать мне нервы!

Выкрикнув последнюю фразу, Литиванов выскочил из кухни и бросился через холл к внутренней двери в гараж. Анджела рванулась за ним. Она не собиралась отвечать или удерживать своего психопата за рукав. Сработал один из рефлексов любви – бежать вослед, не отставать, быть рядом до последнего, если не дано до победного. Когда она поравнялась с зеркалом, дверь хлопнула за спиной мужа. Чего доброго, женщина выбралась бы на улицу, чтобы стоять на виду, когда он будет уезжать. Но машинально посмотрела на свое отражение. Лохматая босая чокнутая с перекошенной рожей и надетом задом наперед изломанном уродливыми складками платье. Так вот к чему относилось любопытство в его взгляде и улыбка, будто через силу. Такой он ее видел действительно впервые. Забавно? Смешно? Она, голая, лезла на него, он ее скинул, защищался кулаками. И вот результат – из постели выползло чудовище, которое в здравом уме и трезвой памяти никто хотеть не может. К Анджеле вернулось самообладание отчаяния. Вернее, тупость, заторможенность и ощущение, что самое ужасное в жизни свершилось. Хуже уже не будет. Все. Она повернула назад, в кухню, бездумно уселась на стул и начала жадно хлебать еще горячий кофе.

За час ее лениво посетили всего две необязательные мысли. Однажды, еще в университете, сокурсница азартно доказывала, что все раздоры с мужьями происходят в непереносимо убогих интерьерах и тесноте. «А в нормальных, пусть не шикарных, нормальных условиях разве есть хоть один повод ссориться?» – вопрошала она девчонок. Все, включая Анджелу, такового не нашли. «Дура набитая», – подумала Литиванова, неизвестно, себя или ее имея в виду. И еще как-то они пошли к однокласснице. Та, бедная, годами с ума сходила. Жили в однокомнатной квартире с мужем и ее бабушкой. Старушка их безжалостно изводила. Оба нервничали, ссорились все чаще. И вот источник смуты упокоился. Анджелу тогда потряс вопрос одной из девушек: «Без нее все наладилось? Не ругаетесь больше?» Хозяйка как-то затравленно оглядела гостей и удивленно призналась: «Ничего не наладилось... Почему-то». Спросившая кивнула и горько усмехнулась, будто ответ лишь подтвердил ее знание. «Получается, когда муж все реконструирует, счастье к нам не вернется, – догадалась Анджела. – Его работа – только предлог». Тут зазвонил телефон.

– Ангел мой, я был резок. Прости, – мирно сказал Литиванов.

– Мишенька, я не могу тебя разлюбить, – тихо призналась она.

– Ты делаешь меня счастливым. Мы все преодолеем вместе. Я перезвоню.

Этого было достаточно, чтобы к ней вернулось желание привести себя в порядок.

Через час Анджела уже катила в своей немецкой машине – только добротность и надежность, никакого вызова лоском и запредельной ценой, провоцирующих охотников из ГИБДД

брать дамочку на испуг и грабить на авось. Михаил хотел купить ей нечто шикарное, но мудрый папа опередил: подарил на день рождения то, что считал безопасным и достойным порядочной женщины. И она спокойно передвигалась в своей крепости. А уж на светские мероприятия ездили на том, что приличествовало Литиванову. Тут и папа кивал: «Надо соответствовать».

Анджела сказала мужу правду: она обходилась ему гораздо дешевле, чем другие жены своим кормильцам, поильцам и наряжалым. Ненавидела присутствие чужих в доме и заставила Михаила и Алика не разбрасывать одежду и класть вещи туда, откуда достали. Поэтому пара домработниц являлась не каждый день, трудилась интенсивно и уходила довольно быстро. Менялись времена, но дочь жила, как мать и бабушка, традиционно, по-московски. Когда-то занятая наукой бабуля впервые договорилась с портнихой, парикмахершей, маникюршей и косметичкой о том, чтобы ее обслуживали на дому по выходным. Приложилась к развитию мелкого бизнеса, искушала деятельниц советской сферы обслуживания рублями, которые не учитывались в перевыполненном плане при подведении итогов социалистического соревнования. Потом мастерицы взялись за ее подростковую дочь. Состарившись, бережно передали клиентуру, не обедневшую в девяностые, своим лучшим ученицам или родственницам. И теперь уже эти якобы домохозяйки, принципиально игнорирующие налогообложение, объезжали своих дам на фордиках и легкими талантливими руками колдовали над ними, поругивая российские дома моды, бутики, имидж – студии и салоны красоты. Брали не дешево, но по-божески.

Иногда за границей мама, наизусть знавшая штук двадцать параметров Анджелы в длину и ширину от, до и между, решала, что той не помешает нечто брендовое. Для того чтобы купить это, ей нужен был папа. Не только его банковская карта, но глаза и любовь к дочери. Она сама, профессионально изучавшая людей, выбирала тряпку под них: «Вот оно, дорогой, мужчины замрут на полчаса, женщины неделю из ступора не выйдут». А утомленный ожиданием добряк безошибочно решал, понравится ли «оно» его девочке. В смысле содержания жены и сына зять был независим до грубости, но родители упорно отстаивали свое право дарить Анджеле и Алику все, что им заблагорассудится, в любое время. Казалось, всем бы их заботы – Литиванов молча скривился, увидев то платье. А ведь ее родители возмущались, обижались и мучились так же, как старики, чьи карамельки небрежно швырнули в угол и никогда не дадут избалованному шоколадом внуку. От бессилия, конечно, слез не лили, но дьявольскую гордыню и замашки тирана Михаилу приписывали.

Утренняя ссора имела куда большее значение, чем все прошлые семейные недоразумения, вместе взятые. Слегка успокоившись под душем и после за рулем, Анжела крутила ее в голове, будто хитро запакованный предмет в дрожащих от нетерпения руках. Она лукавила, сказав, будто Алик написал ей. Мальчишка честно соблюдал договоренность с отцом – купюрными проблемами маму не грузить, она их не решает. Но он поговорил по скайпу с дедом, после того как Литиванов не ответил ему. Обычно рассказывал только о школьных порядках. А этот торопливый монолог слегка походил на бред. За учебу отец платит, но карманных денег переводит меньше, чем год назад. Каждый раз несет что-то про закалку трудностями. Алик уже чувствует себя нищим среди принцев. Зачем ему это нужно? Если нет возможности без излишеств, но достойно жить в Швейцарии, он готов вернуться в Москву. Приятель зовет в Германию – там все дешевле и образование бесплатное. Да еще у мамы поникший вид, улыбается натянуто, говорит, что очень соскучилась, но почему-то не едет хоть на три дня. Что там у них вообще происходит? Удивленный дедушка мирно обещал разобраться. Но через секунду рассвирепел и заявил, что к выходным мальчику надо ждать бабушку, которая «так сориентируется на месте, что там принца на принце не останется».

– Папе лучше ничего не говорить, – просительно сказал внук.

– Моя жена вправе ехать куда угодно и когда угодно, – зарычал дед. – Но тебя мы не выдадим. Считай это инициативой старших родственников.

На то, чтобы вызвать к себе Анджелу, понадобилась минута. Ее так испугал хриплый голос отца, что она прыгнула на водительское сиденье, казалось, прямо из-за ноутбука. В любом случае промежуточные действия не запомнились. В родительском коттедже царила напряженная обездвиженность. Папа застыл в углу кабинета, мама вжалась в диван, и оба смотрели в одну точку. Будто в окно влетела шаровая молния и непонятно, куда сейчас двинется, кого убьет. Но, увидев дочь, все хаотично зашевелились – папа топал ногами, мама без конца всплескивала руками.

Из лихорадочных вскриков Литиванова сразу поняла, что ее сын находится на краю могилы. Голодная смерть уже занесла над несчастным чадом косу. Необходимо сейчас же кинуть ему монетку. Ловя ее на лету, Алик изменит положение тела, и орудие безносой гадины лишь рассекает воздух. Анджела силилась понять, что в действительности грозит мальчику, но папа настойчиво требовал объяснений у нее. А мама одновременно рассказывала, что пишет дома статью, зато папе давно пора в банк, в центр Москвы. На дорогах скользко, пробки ужасные, водитель ей не нравится, даже когда не торопится. Но папа вынужден будет его подгонять. Ничем хорошим это не кончится. И если упрямая дочь сию минуту не скажет, когда они с Михаилом задумали отправить своего малыша в Швейцарию и уморить там, не пачкая рук кровью и не видя его агонии, то на ее совести будет еще и погибший в ДТП папа. И мертвый Литиванов, потому что вот именно его кровью мама точно не побрезгует обогреть всю себя, всю абсолютно! Она снова подумала: еще один прекрасный дом, две ухоженные женщины, успешный мужчина в итальянском костюме и даже в бабочке – стиль такой выработал с годами, всем нравилось. И опять скандал из-за мальчика, которого учат в Швейцарии. Дико. Банально. Но куда же деваться? И делать-то что?

В тот момент Анджелу вынуждали делать то, что Михаил считал бы предательством. Едва они поженились, она дала мужу слово никому, даже родным, ни звуком не обмолвиться о его успехах и трудностях. Он сообщал только то, что сообщал. «Наверняка в процессе выбора фактов, который в нем запустил жизненный опыт, черт ногу сломит, – рассуждала тогда молодая жена. – Так зачем мне рисковать свернуть себе шею, запутавшись в его комплексах». Но теперь Алик своими жалобами будто разогнал асфальтовый каток на узкой дорожке, с которой некуда деться. И надо было как-то уворачиваться.

– Мы все знаем, что год назад Михаил был против отъезда сына, – начала лавировать женщина. – Он не считал, что учеба там лучших друзей достаточный повод бежать вдогонку. Но как повела себя наша семья! Вспомните! Я молчала, мне было невыносимо расставаться с сыном. Зато дедушка-профессор воодушевился и рассказал, что после войны его классу так не захотелось разбредаться по разным вузам, что они все, тридцать человек, подали заявление на юридический факультет МГУ. И как один поступили! Ты, папа, своего тестя поддержал, заявив, что сам двинулся учиться в Москву с Рязанщины, потому что лучшие друзья ехали. А бабушка с мамой в унисон запели: «Нельзя отставать от лучших. Это потом связи на всю жизнь. Тем более у вас там собственное шале миленькое, у ребенка есть свой дом». Литиванов кипел: «Поймите, дамы, школа закрытая! Интернат это по-нашему. Ин-тер-нат! Так что шале – не аргумент. Скорее отрицательный фактор. Будет там вся компания в выходные тусоваться. А потом и на каникулах». Тут уж ты, мама, завелась: «Мы тоже все узнавали! Когда дети являются в школу после выходных, их обязательно тестируют на наркотики и алкоголь. Так что ничего безобразного в твоём доме не случится, Михаил. Зато у мальчика будет дополнительный фактор лидерства».

– Дочка, я действительно тороплюсь, – поморщился папа, но голос остался любящим. – Сейчас о деньгах речь, а не об истории отъезда.

Анджела набрала в грудь побольше воздуха, казалось, весь, что был в кабинете, и не хуже отца рыкнула:

– Михаил тогда затевал модернизацию и считал каждую копейку! Идеей учить внука в Швейцарии вы ее сильно удлинители, мягко говоря. Мне объяснять тебе, папа, про инфляцию? Про преимущества молниеносных бизнес-действий? Он вынужден был увеличить сумму кредитов. И, кажется, увяз. Теперь реконструкция грозит растянуться на годы. И от этого ни мне, ни Алику лучше не станет.

Отцу тоже понадобился кислород, но он весь находился в легких его дочери. Виски у заведующего отделом банка посерели и ввалились. Мать вскочила и настезь распахнула окно со словами: «Ты не дашь ему выехать на мокрую дорогу, раньше прикончишь, гораздо раньше». Однако папа мигом порозовел и наконец сел. Анджелу немедленно потянуло забраться к нему на колени, извиниться и то ли гладить его седую голову, то ли чтобы он гладил ее макушку. Но надо было разговаривать о неприятном.

– Дочка, теперь ты вспоминай. Не имея представления о том, что затеял Михаил в бизнесе, мы тем не менее хотели оплачивать учебу. Конечно, заводов не имеем...

– Зато и реконструкций не проводим, – не выдержала мама.

– Серьезнее, девочки, – устало призвал отец. – Речь о судьбе Алика. Итак, без эмоций, по пунктам. Дед с бабушкой – востребованные дорогие юридические консультанты. У меня зарплата высшего банковского менеджера и бонусы. У мамы нет отбоя от клиенток на частном приеме.

– Пациенток, – обиженно поправила мама.

– Какие там пациентки! – не стал миндальничать банкир. – То есть мы могли взять на себя расчеты со школой. Предложили. Ответ: «Я сам». Ладно, давайте, господин Литиванов, мы возьмем на себя пополнение счета ребенка на личные расходы. Оплату его прилетов домой. Наезды Анжелочки, как только заскучает по сыну. Ни в какую. И вот доигрались.

Он быстро исподлобья взглянул на дочь. То ли врач ненавязчиво проверял, выдержит ли больной. То ли картежник оценивал, блефует ли партнер.

Вероятно, что и больной, и партнер производили впечатление невменяемых. И воплощение силы и успеха в банковском деле рискнуло осторожно коснуться главного:

– В моем представлении, дочка, твой муж – плохой бизнесмен. Изначально из рук вон. Не знаю, как он так долго продержался. Команда хорошая, что ли? Особое чутье? Связи во власти? Когда вы познакомились, ему было уже тридцать три, наверное, успел оказать кому-нибудь неоценимую услугу.

– Он талантлив, папа, просто, ясно и очень талантлив. И везуч, нет, он фатально удачлив, – взбрыкнула невменяемость и опять впала в ступор.

– Я не стану повторять, что в его распоряжении всегда были великолепные юристы и не худший финансист. За эти семнадцать лет к нам за платными консультациями обратилось множество народу. И уровнем гораздо выше Литиванова. И все остались довольны – расширялись, модернизировались, меняли профили деятельности, решали споры. Мы своего рода третейские судьи, независимые эксперты, последняя инстанция. Проверяли чистоту решений таких профессионалов, которые твоему Мише не по карману, но которых в особо важных и крупных сделках, как бы это помягче сказать, могли соблазнять конкуренты или шкурные интересы. Литиванов, имея возможность обсуждать любые свои дела бесплатно за домашним чайком, ни разу не задал ни одного вопроса, не посоветовался. Это, повторюсь, гордыня. Причем патологическая. У бизнесмена все прибылью станет – тщеславие, самомнение, наглость, жестокость. Только не она, проклятая. Считать такую личность хорошим дельцом нельзя. Любая упущенная возможность ему в минус, а он много упустил. Мы ведь всем скопом едва не навязывались. Но с годами, конечно, замолчали. Только и особо спесивым неплохо понять. В деловом мире все равно все в курсе, кто у него родственники. В его полную самостоятельность никто не верит. И боюсь, что за частью его неуклюжих решений видят нас и подозревают некую особо сложную и перспективную игру. Ты никогда не размышляла об этом? – Отец перевел дух и

легко, будто оставил в кресле тяжелый груз, вскочил на ноги. – Доченька, Анджелочка, для начала я отправляю к Алику маму. Деньги у ребенка будут – откроет второй счет, Литиванов и не догадается. После ее отчета будем решать. Дальше поощрять самодура я не намерен. Может, он с ума сходит? А мы благоденствуем и посмеиваемся.

Женщины ни пискнуть, ни шевельнуться не успели, а он уже поцеловал обеих в щеки и вышел из дома.

У Анджелы лицо запылало так, будто с него вот-вот облупится кожа. Она привыкла считать мужа семи пядей во лбу. Шутка ли, семнадцать лет вести бизнес без чьей-либо помощи! Жесткие слова отца о том, что никто Мишеньку не рассматривает вне той самой семьи, от которой он демонстративно отстраняется, показались гадкими и несправедливыми. И в то же время могли быть правдой. В наше время все рассчитывают. Особенно безобразным казалось предположение о том, что ее гений не совсем и гениален. Действительно, людям кажется, что при таком мозговом центре – банкир, юристы и даже психолог высочайшего класса – глупая тактика бизнесмена и не глупость вовсе, но стратегия. И, самое главное, как-то слишком нервно и долго он модернизировал небольшие, в сущности, заводы. Хотя что она в этом понимала?

Спасла мама. Приволокла за тугой зеленый хвост большущий ананас:

– По последним данным, от него не худеют. Но мы же любим этот слабый привкус клубники в нем. Давай, придвигайся к столу. Все, что наговорил отец, забудь. Ему обидно, что обходятся без его советов. И он частенько путает гордость с гордыней. Но предупреждаю серьезно, Алику он поможет. Выкручивайся как хочешь.

– А если я запрещаю сыну принимать деньги? Годами, мама, почти двадцать лет, мы следовали принципу не то что не делать, не говорить друг о друге за спинами. Только в лицо и только правду.

– Ладно, подарю ему карточку на Пасху, – усмехнулась мама, но зло. – Ты кого вырастила? Чудака? – И вдруг ее разобрал смех: – Вот не знай я жизни... Ха-ха-ха... Вот не вникай день за днем в семейные истории во множестве... Ха-ха... Доченька, ты вообразить не в состоянии, что подростки за нашими спинами рассказывают про нас друг другу!

Час от часу не легче. Мир Анджелы валялся в руинах, и отчего-то казалось, что ему так больше нравится.

На следующее утро Анджела попробовала воззвать к отцовским чувствам Литиванова. Кончилось все скандалом. Да еще и пришлось все-таки составлять заговор с мальчиком: не деду он писал о стесненных обстоятельствах, но мамочке родной пожаловался. «Как ни выкручивайся, а коготок увяз – всей птичке пропасть», – думала несчастная женщина, садясь в свою верную машину.

9

Она и в смысле поддержания формы обходилась мужу недорого. Всегда считала физкультуру частью гигиены. В поселке был фитнес-клуб, и поначалу все ломанулись туда задами покрутить и бюстами поиграть. Но Анджелу тренироваться на публике не могло заставить ничто. Бабушка первой из семьи начала бегать по утрам еще в застойном, но уже ощущавшем себя частью мира совке. Трусцой она передвигалась либо в пять утра по городу, либо по участку на даче. Никто не должен был видеть, какими трудами дается фигура. Поэтому же годы спустя избегали коллективного посещения саун, даже если коллектив состоял из близких приятельниц. Не тел стеснялись. Просто неприлично это было для них, и все тут. Стройность должна была быть не добытой, как уголь, а будто естественной, не требующей усилий, раз и навсегда данной.

Поэтому Литиванов оборудовал жене хороший тренажерный зал в подвале. И она занималась сама – специальной литературы, что, когда и сколько накачивать, было в избытке. Дамам

тоже вскоре надоело потеть друг при друге. И в моду вошли индивидуальные тренеры, ходившие по домам. А потом вообще почти все женщины и дети разъехались за границу, изредка навещая родные пенаты. И фитнес-клуб стал мужским – отцы семейств обязаны были представлять по выходным перед близкими в лучшем виде.

Однако с возрастом Анджела стала замечать, что полная самостоятельность ей не на пользу. Она полнела. Не слишком рьяно, не очень заметно, но все-таки. Ела женщина мало и по системе, которая никогда не подводила. Оставалось голодание. Выдержала. Итогом стало лишь знание. Когда ты сыта, появляется ощущение, что ты все можешь. Когда голодна – что на все способна. Но вес не поколебался. Идти сдаваться в фитнес-лавочку коттеджного поселка после того, как она столько лет ее игнорировала, делая вид, что «такой ее мать родила», не хотелось. И Литиванова нашла выход. В нескольких километрах от их коттеджей жил себе поживал город ближайшего Подмосковья. И фитнес-центр в нем был не хуже, только вдвое дешевле. И поселок был конечным пунктом дороги в город, поэтому она всегда была свободна. Непритязательная светская дама этим воспользовалась. Два раза в год облачалась подемocraticнее, ни с кем не болтала, изображая крайнюю занятость до и после, месяц пахала с тренером, а результаты закрепляла дома. Она замечательно похудела. Да еще хвалила себя за экономию: Михаил уже тогда призывал отказаться от лишних трат, но звучало это так, будто от любых. Иногда Анджела с ужасом ловила себя на подозрении, что он вот-вот ринется выключать «лишний» свет в доме. Но вроде пока обходилось.

Сейчас, за рулем, она напряженно, до ломоты в висках обдумывала мамины слова. Родная ведь не только ананасом кормила, но и добивала:

– Видишь ли, доченька, я просто обязана предупредить тебя о двух вариантах. С точек зрения юриста и финансиста, поведение Михаила странно. А вот с точки зрения психолога – банально. Ты только восприми все разумом, а не сердцем. Отказываясь от помощи родственников, он может все еще доказывать тебе, что женился без расчета на нее. Тогда его самодостаточность – для тебя. Ну, только таким он может себя уважать, чего и вам с сыном желает. Но с равной долей вероятности его окручивает юная нимфа. Они на таких, с выросшими детьми, особенно падки. У Михаила возраст трудный: седина в бороду – бес в ребро. И то, что он «сделал себя сам», напротив, поможет ему уйти из дома. Или тебя выгнать. Ведь бабушка с дедушкой на коленях стояли: «Составьте брачный контракт». А ты? «Любовь убиваете, циничные природы».

– Ты сама себе противоречишь! – воскликнула дочь почти радостно. – Получается, он всю нашу совместную жизнь готовился меня бросить!

– Ну что за максимализм: или – или. Сначала первый вариант отрабатывал, потом второй нарисовался. Нет, Анжелочка, я ничего не утверждаю. Но предупрежден – наполовину спасен.

И вот наполовину спасенная, наполовину уничтоженная Анджела металась между двумя набросками психолога. Впервые ее существование с Литивановым казалось унижением. Вроде тщетного утреннего приставания к нему.

– Вот почему он не разрешал мне работать, – пробормотала она. – Делала бы собственную карьеру, не заикливалась бы на нем так.

В силу того что покорная жена ни дня ее не делала, она и не знала, что одно другому не мешает. И уж какие должности занимают, и уж как навязчиво думают о своих мучителях. Анджела родила в конце второго курса. Бабушки и с папиной, и с маминой сторон еле уговорили Литиванова дать студентке возможность доучиться, хотя он настаивал на академке. Уломали с требованием: после занятий – бегом к сыну. Поначалу это всех умиляло. Но после университета он заявил, что трудовая деятельность его молодой жены окончена не начавшись, и сдвинуть его с этой точки возможностей и талантов не хватило ни у каждого по отдельности, ни у всех вместе.

Влюбленная, ошалевшая от первого материнства Анджела слушала только Мишеньку. А у него получалось уговаривать:

– Любимая, лучшая, прекрасная моя! Я не хочу делить тебя ни с чем. Я хочу знать, что наш очаг горит всегда. Вырасти сына не отвлекаясь. Я тем временем превращусь в брюзгу невинного возраста, разбогатею по-настоящему и открою для тебя любой благотворительный фонд, какой пожелаешь. Еще наработаешься, солнышко, еще назад домой потянет.

Сильнее нежного лепета Литиванова оказалась только мама, которая, надо полагать, была идеальной тещей. Однажды, подловив Анджелу наедине, она без затей сказала:

– Ты у меня будешь трудиться. Хоть сторожем в зоопарке, пока твой муженек дрыхнет. Вы с ним не в курсе, как меняется личность образованных домохозяек? Во что они превращаются? Я не желаю тебе этой участи. Поэтому, если, избави бог, ты после автокатастрофы станешь инвалидом, ты мне дочь. Если заболеешь ВИЧ и гепатитом – дочь. Наркоманка, алкоголичка – дочь. Но тунеядка, ничем общественно полезным не занятая, – нет!

Решили, что Анджела будет дома втихаря от мужа переводить книжки. Чем она до сих пор успешно и занималась.

– Спасибо, мамочка, – прошептала упрямица.

Потому что не так давно в ссоре, перед тем как по новой традиции хлопнуть дверь в гараж, Литиванов крикнул:

– Да что ты вообще знаешь про труд? Ты за жизнь палец о палец не ударила! Паразитировала сначала на родителях, потом на мне!

Анджела сошла бы с ума от несправедливости, если бы не знала, что в дальней комнате стоит шкаф, забитый переведенными ею романами. И только вздохнула мужу в спину.

Она припарковалась на своем обычном месте – утром здесь было где упасть не одному мешку яблок. Дождь кончился тягучей сырой промозглостью. Хотелось в тепло. На крыльце маячила Аня, одинокая барышня лет сорока, у которой в это время занятие кончалось. Образованная хоть одному человеку, не связанному со вчерашними и сегодняшними дрызгами, Анджела радостно заулыбалась и даже рукой помахала. Ей показалось, что Аня едва кивнула. Обычно было наоборот. Слегка озадаченная, она стала подниматься навстречу спускавшейся физкультурнице. Это тоже было необычно. Весь месяц Аня дожидалась ее в раздевалке и, пока Анджела переодевалась, изливала ей душу. Оттуда лился один ветреник, который никак не желал сочетаться с Аней законным браком. Анджеле это раздражало, но она добросовестно вспомнила все, что слышала от мамы. Она повышала Анину самооценку, давала толковые рекомендации, проигрывала разные варианты. Жалко было бабу, действительно ведь – последний шанс. Она все еще добродушно скалилась до ушей, говоря:

– Здравствуй, Анечка. Как твои дела?

И вдруг услышала сухое тихое:

– Здравствуйте.

– Аня, что с тобой? Сама же предложила перейти на «ты» сразу после знакомства...

– Ну-у, разве? – протянула Аня и, ни разу не взглянув на Анджелу, прошествовала к своей машине.

Невольная исповедница оглянулась: возле транспортного средства Анечку ждал, вероятно, тот самый, очарованный и побежденный.

На анализ ситуации Анджеле не хватило времени. Подумала только: «Дрянь неблагодарная». В отвратительном настроении она отзанималась, а потом боль, та самая – под левой грудью, начала распиливать ее пополам.

Анджеле Литивановой удалось благополучно добраться до коттеджа. Подняться в спальню. Не раздеваясь, свалиться в кровать. Заснуть, впервые не встретив мужа после работы ночью и не проводив на нее утром. Зато в полдень глаза открыл другой человек.

Глава 2

1

Вообще-то «проснуться другим человеком» – выражение, не более. Каждый ведь подразумевает под этим вкусное утоление жажды жизни, радость, громады целей и силы их осуществлять. Да, еще возможности к силам-то. А откуда этому добру за ночь взяться? И в лучшем случае депрессивный мученик встает в яростном стремлении изменить образ жизни и принимается, чуть не рыдая от насилия над собой, делать зарядку или обливаться холодной водой. Как правило, хватает его ненадолго. И снова приходится в тоске ждать понедельника или Нового года, чтобы попытаться.

В памяти Анджелы жила только одна бабушкина знакомая – безалаберная лентяйка, которая в одночасье превратилась в строгую трудоголичку. Но у нее была особенная история. Девушке смолodu фатально не везло. Все ей было дано – обеспеченная родительская семья, приятная внешность, оптимизм, умение ладить с людьми, ум и интеллект на зависть. Только пригоршню удачи Бог забыл в эту корзинку бросить. Словом, она всегда оказывалась не там и не вовремя. Замуж вышла по любви, родила и вырастила детей, работала успешно. Правда, муж быстро затух сексуально и оказался вяловат в трудах на благо семьи. Поэтому нищета всегда держала в тисках, но именно это ее меньше всего беспокоило – выкручивалась. Только ей всегда казалось, что рождена она совсем для другого. А оно не давалось, хоть плачь. Никак не получалось заняться тем, о чем мечтала, в чем считала себя одаренной. Разведясь же и выйдя на пенсию, совсем перестала жить – лежала сутками на диване и голосила про себя, молча. Все было поздно. Впереди – лишь болезни, старость и одиночество. И однажды решилась: поглотила все таблетки в доме, а их там было множество, и запила бутылкой водки. Отключилась. Включилась на рассвете в жутком похмелье. Кисло подумала: «Даже отравиться не получилось. Наверное, пожалела себя. В последний момент струсила и приняла не все лекарства». Открыла ящик, вчера еще полный медикаментов. Он был совершенно пуст. Вид отсутствия чуть не сбил ее с ног. Неужели правда? Поискала в квартире, даже мусорное ведро выпотрошила – ни одной таблетки. С уважением подумала: «Я не струсила. Я все сделала честно». Кое-как дрожащими руками включила компьютер, нашла алкокалькулятор, ввела данные – пол, возраст, вес, количество принятого на грудь... Получилось, что и бутылка водки безо всяких лекарств была для нее смертельной. «Значит, та, несчастная, не выдержала и покончила с собой. А я – другая и жить буду иначе. Для этого она оставила мне тело. Не в лучшем состоянии. Начну с него», – колотилось в голове. И прыгающим пальцем она вызвала наркологов с капельницей. Про попытку суицида не обмолвилась.

Случай, конечно, уникальный. Но и трезвая Анджела во сне кое-чего достигла. Ей мерещилось, будто лежала она сереньким и теплым летним вечером на животе, подперев руками голову, на берегу неведомого озера. И смотрела в прозрачайшую воду. А из воды на нее тупо глядели медленно проплывающие рыбы. Анджела их ненавидела: однажды бабушка при ней разделала живую... Разумеется, сначала она возненавидела хладнокровную кулинарку, но потом как-то акцент сместился. Все твари были одинаковыми, смешно беззвучно шевелили ртами, но женщина знала каждую и понимала ее речь. Вся эта потенциальная уха состояла из, казалось бы, давно забытых ею людей. Какие-то школьные подружки напоминали, будто обо всем ее предупреждали. Некогда пристававшие к ней мальчишки обзывались взрослыми непристойными словами. Последней из взглянувших на нее рыб был Мишенька. И сказал он самое ужасное:

– Тебе делать было нечего, только сохранять мою любовь. Но ты и этого единственного, главного, не смогла. Не сумела ни вымолить у Бога, ни сама преуспеть. Бездарность по жизни. Никчемность.

– Ах ты сволочь! Все ты врешь! – крикнула Анджела и саданула правым кулаком по воде. Рыбы исчезли. Она проснулась. Только что склоненное к озеру лицо и кулак были мокры. Так страшно ей еще никогда не было. Лишь через несколько минут она поняла, что это слезы.

И ноги на ковер, по-юному, мимо тапочек, опустила действительно иная Анджела Литиванова. Ей плевать было на кризисы Мишеньки. На его любовниц, если таковые существовали. Она собиралась любить не его и быть любимой не им. Все. Точка. Любимой и желанной. Уже под душем она вспомнила о том, что незадачливая самоубийца называла фантомами:

– Иногда слишком устанешь или дело застопорится, и такая тоска накатывает, и так хочется все послать к чертям, рухнуть на диван и выть, выть, выть. В эту секунду важно сказать себе, что это фантом. Ну бывают же боли в ампутированной ноге. И поступать наоборот – заняться чем-нибудь из ежедневника или хоть гулять идти, бесцельно мотаться по улицам. Отпускает быстро и надолго.

«Мой фантом – это желание во что бы то ни стало вернуть счастье с Литивановым, – четко подумала Анджела. – Однако, если муж будет продолжать в том же духе, и прогуливаться не надо. Достаточно будет прижаться к нему. Он с явным брезгливым содроганием отстранится, и нет фантома».

А за кофе громко заявила пустоте:

– И в этой деревне ты меня больше не удержишь, Мишенька. Нечем тебе. Некем. Провались она, дорогая и вожаденная для малообразованных идиотов.

Семнадцать лет загородной жизни давали Анджеле право назвать элитный поселок деревней. По расположению этим самым он и был. Но и еще кое-что. Как-то она прочитала интервью ветеранки загородной жизни, разумеется, со всеми удобствами и городским телефоном. И ее поразила фраза, мол, это сейчас у нас тут то бал, то опять бал, а ведь в советские времена на зиму оставались я с маленькими детьми, пара совсем ветхих академиков да знаменитый, но сильно пьющий художник. Литивановы построили коттедж в пору если уж не балов, то непрерывных вечеринок. Все забросили московские квартиры – так здорово было просыпаться в двух-трехэтажном чистеньком особняке. Приглашать туда соседей на коктейли, ужины, танцы. Дамы в отсутствие мужей постоянно звонили друг другу. И часто бегали в гости оценить покупки. А потом светская жизнь вдруг сошла на нет. Мужчины все чаще ночевали в городе, чтобы успевать на ранние совещания, отказав себе в наслаждении стоять хотя бы в пригородных пробках. Детей, которых тогда еще в голову не приходило учить не на русском, будили чуть свет, чтобы развезти по частным школам – опять же расстояния и пробки. Женщины тоже заскучали, все чаще рвались в Москву и вырывались, кляня дороги. Когда же сообщили, что отпрыски распрекрасно могут и начальное образование получать за границей, что там вообще жить дешевле, поселок опустел. В нем слонялись по своим участкам престарелые родители бизнесменов и несколько юных мам с грудничками, люто тоскующих по мегаполису, но загипнотизированных фразами «свежий воздух для ребенка» и «надо быстренько убрать живот, пока никто меня такой не видел». Анджела увлеченно наблюдала, как меняются охранники и присматривающие за чужой собственностью экономки. О, такой спеси не было даже на лицах их хозяев времен увлечения своими дворцами.

Литиванову в городскую квартиру не тянуло. Они изредка ночевали там с Мишенькой после долгого спектакля, отмечавшегося в ресторане юбилея или неуравновешенного богемного приема. Эта потерявшая разум влюбленная предпочитала устроиться за компьютером, переводить чей-то очередной бред и часто смотреть на подъездную аллею к дому. Мужу нечего было делать в поселке почти до ночи, но она беспокоилась: «А вдруг? Недомогание какое-нибудь? Переутомление? Он не станет предварительно звонить, чтобы не волновать. Возьмет

и приедет». В день же своего преобразования она сунулась за ключами от московского жилья, но не нашла их на обычном месте. Куда делись? Если Михаил взял, то зачем ему второй комплект? Вряд ли он поглупел или обнаглел настолько, чтобы отдать его любовнице. Но в соперницу она всерьез не верила. Его вчерашнее спящее тело под ее ласками все-таки было телом импотента. Его явная неврастения – психикой мужчины, работающего по двадцать часов в сутки без выходных.

«Набрать номер и спросить, как мне попасть в собственную квартиру? – размышляла Анджела, глядя на свой айфон. – А кому нужны эти демонстрации? И вряд ли я осмелюсь уложить любовника в супружескую постель. Его еще найти бы, не с первым же встречным изменять мужу. Не снять ли что-нибудь в центре? Этакое шикарное и чужое. Смена обстановки пойдет мне на пользу». Она неожиданно для себя рассмеялась впервые за много месяцев. Вспомнила знакомую американку. Той психотерапевт тоже посоветовала для лечения депрессии на время убраться из Нью-Йорка. И как раз подвернулась командировка в Россию на два месяца. Джудит немедленно сообщила доктору, что последовала ее рекомендациям и отправляется в Москву. «Боже, – простонала та, – я вообще-то Флориду имела в виду». «Дожила, для меня уже выезд в город – авантюра, – подумала Анджела. – Ну и пусть. Зато вечером я, полная ощущений и чувств, утомленная дорогой, вернусь в коттедж. Интересно, будет ли мне тогда дело до Мишеньки, который со мной почти не общается и либо засыпает мгновенно в спальне, либо притворяется?» Она понимала, что бедовая Джудит в голове возникла неспроста. Что надо бы сказать маме: «Я еду с тобой в Швейцарию к Алику». Но так врезать Литиванову в солнечное сплетение Анджела еще не была готова.

Честно говоря, она представления не имела, чем займется в Москве в шикарных чужих стенах. Будет переводить? А во внешнем мире? Искать сокурсниц или утерянных подруг и встречаться с ними? Просто шляться по дорогим кафе и смотреть, как реагируют на нее незнакомые мужчины? И вдруг она сообразила, что это не имеет значения. Важно было только, что ей уже тридцать пять – еще тридцать пять – и что она вряд ли простит мужу то, как он от нее, голой, отбивался. Анджела не испытывала ни сильной обиды, ни ненависти, ни презрения. Она была счастлива с Михаилом. И не желала быть несчастной именно с ним. С кем угодно, всякое бывает, но не с Литивановым. Она все еще любила его. Просто рядом с нынешним, по поводу и без рывкающим, что у него в подчинении тысячи людей, ей было зябко, страшно и неприятно.

Взбунтовавшаяся жена нашла в Интернете сдаваемую в аренду квартиру в Камергерском переулке. За несколько минут договорилась с риелтором – женщиной с бодрым низким голосом, которая вскоре перезвонила. Встретаться с хозяйкой и знакомиться с объектом недвижимости можно было сегодня же. Анджела принялась собираться как одержимая.

2

Мама говаривала, что у Анджелы – умеренное терпение, но воля в зачаточном состоянии. И она все делает, чтобы культивировать первое и не развивать вторую. Но можно ли ждать другого от человека, который не покрывается сыпью от зависти к тому, у кого чего-то больше, и не испытывает облегчения от того, что у кого-то чего-то меньше. И вдруг выяснилось, что причиной этой заторможенности было то, что женщину семнадцать лет любил любимый ею мужчина. Он отдалялся почти два года, все реже хотел физической близости, повадился хамить, держал ее банковскую карту почти пустой – она стоически несла крест. Надеялась, кризис минует. Но когда он спихнул ее с себя, как пьяную заразную безумицу, когда, не предупредив, урезал содержание их ребенку, терпение выпало, будто молочные зубы. И на освободившемся месте начали резаться постоянные клыки воли к новой любви. Все вокруг них чесалось и болело, но процесс был неостановим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.